

Реликты сталинской науки

**ПУБЛИЧНЫЙ ДОНОС
КАК СПОСОБ «НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ»**

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники РАН

Аннотация: *Формулируются цели и задачи раздела «Реликты сталинской науки». Участвовавшие в последнее время тотальная критика генетики и нападки на Н.И. Вавилова рассматриваются как очередные попытки вовлечь власть и общество в научные дискуссии, обвиняя своих оппонентов в национал-предательстве, пропаганде чуждой науки, в невежестве и шарлатанстве. Такие приёмы научной «дискуссии» характеризуются как доносы, а их распространение в СССР связывается, прежде всего, с именем Т.Д. Лысенко. Научное сообщество должно резко реагировать на рецидивы лысенковщины путём просвещения властей и общества, а также культивирования непримиримости к игнорированию норм и ценностей науки.*

Ключевые слова: *Н.И. Вавилов. Т.Д. Лысенко, дискуссии, донос, моральное осуждение.*

Имя Т.Д. Лысенко хорошо известно во всем мире. Ему посвящены тысячи работ — от солидных монографий до коротких заметок в газетах¹. В них не раз обсуждались различные перипетии противостояния Т.Д. Лысенко генетикам, возглавлявшимся Н.И. Вавиловым, а после его гибели практически всем биологам СССР, ведомым уже академиками И.И. Шмальгаузенем и В.Н. Сукачевым — биологами-эволюционистами, создателями синтетической теории эволюции в СССР. В этой борьбе биологи, многие из которых в те годы были мировыми лидерами в собственных отраслях знания, получили поддержку со стороны выдающихся деятелей отечественной науки, в том числе и создателей ракетно-ядерного оружия (А.П. Александров, М.А. Арцимович, И.М. Виноградов, В.Л. Гинзбург, Я.Б. Зельдович, П.Л. Капица, М.В. Келдыш, И.В. Курчатов, М.А. Лаврентьев, Л.Д. Ландау, А.Н. Несмеянов, А.Д. Сахаров, С.Л. Соболев, И.Е. Тамм, В.А. Фок и мн. др.), обеспечивших военную безопасность России [Захаров и др. 2005: 12–33].

А вот с продовольственной безопасностью, полную ответственность за которую взял на себя в 1948 г. Т.Д. Лысенко, потребовав устранения из биологии и сельскохозяйственных

¹ Подробная ранняя библиография о Т.Д. Лысенко дана в известных во всём мире классических монографиях: Medvedev 1969; Joravsky 1970; Graham 1972; Резник 1983; Сойфер 1993; Левина 1995; Krementsov 1997. Более недавние обзоры: Кременцов 2003; Roll-Hansen 2005; Колчинский 2007; Есаков 2008; Pringle 2008; Сойфер 2012; Kolchinsky 2014.

наук всех своих оппонентов, ситуация выглядела безрадостной. Кто жил в послевоенные десятилетия, тот помнит причудливые вегетативные гибриды, снопы ветвистой пшеницы, торфяные горшочки как панацеи продовольственного изобилия, а также скудные урожаи на полях, многочасовые очереди за хлебом и постоянный дефицит всех сельскохозяйственных продуктов. Неурожай 1962 г. в очередной раз поставил страну на грань голода, и лишь поворот нефтяных рек на Запад спас её от очередной катастрофы в разгар развёрнутого строительства коммунизма, только-только провозглашённого на XXII съезде КПСС в 1961 г. Для всех, включая Н.С. Хрущева — первого секретаря ЦК КПСС и главного покровителя Т.Д. Лысенко в эшелонах власти после «разгрома антипартийной группы» Г.М. Маленкова, В.М. Молотова и Л.М. Кагановича², стал ясен провал мичуринской биологии и советского творческого дарвинизма, созданных трудами Т.Д. Лысенко, И.И. Презента, И.Е. Глущенко, Д.А. Долгушина, Н.И. Фейгинсона и др. В 1962 г. Лысенко освободили от обязанностей президента ВАСХНИЛ, в 1965 г. сняли и с поста директора Института генетики АН СССР. Но ему дали возможность продолжить научные исследования. До последних дней он руководил лабораторией Экспериментальной научно-исследовательской базы «Горки Ленинские».

Конечно, было бы неправильно возлагать вину за состояние сельского хозяйства СССР, а тем более современной России, на Т.Д. Лысенко. Уже более 50 лет он не стоит у руля, да и тогда решающее значение имели другие социально-политические и экономические факторы. Но и он внёс свой вклад в деградацию сельскохозяйственной науки, оставив после себя огромное количество учеников и последователей, до сих пор исповедующих если не его концепции, то методы борьбы с оппонентами. Именно эта практика, получившая название «лысенковщины», нанесла непоправимый ущерб научному потенциалу России, сказавшемуся, прежде всего, в разработке и внедрении передовых технологий в сельскохозяйственное производство, базирующихся на достижениях генетики, геномики, генной инженерии. Не случайно Дж. Кеннеди при вручении награды Дж. Уотсону сказал: «Благодаря Вам и академику Лысенко мы навсегда обогнали Россию в биологии».

Помимо прекрасно организованной рекламы в газетах и умелого лоббирования во властных кругах своих идей и разработок Лысенко использовал и другие формы борьбы с оппонентами, в том числе и публичный донос. Сохранившиеся архивные документы, не раз приводимые в печати, а также многочисленные речи и выступления Т.Д. Лысенко, его статьи в газетах однозначно свидетельствуют о том, что Т.Д. Лысенко не гнушался никакими средствами для шельмования своих конкурентов по занятию административных постов. Это сыграло важную роль в его административной карьере, сначала благодаря поддержке наркома земледелия Я.А. Яковлева (Эпштейна), а затем и самого И.В. Сталина (Джугашвили) и Н.С. Хрущева. Благодаря их благоволению Лысенко продержался во главе отечественной сельскохозяйственной науки без малого почти четверть века с 1938 по 1962 г., как правило, занимая посты репрессированных предшественников: А.А. Сапегина, А.И. Муралова, Г.К. Мейстера, Н.И. Вавилова. Именно к Сталину, затем к Хрущеву Т.Д. Лысенко апеллировал не раз, призывая наказать научных оппонентов как классовых врагов, вредителей, идеалистов, метафизиков, вейсманистов-менделистов-морганистов и т. д.

---

² В последних работах, написанных на базе документов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории, связанных с подготовкой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., не раз отмечалось, что в те дни против Т.Д. Лысенко были настроены все влиятельные члены Политбюро секретариата ЦК ВКП(б), особенно А.А. Жданов. Исключение составляли В.М. Молотов и Г.М. Маленков. О том, что Л.М. Каганович всегда хорошо относился к Т.Д. Лысенко, подробно рассказывал его сын, Ю.Т. Лысенко [Мухин 2011].

Даже потеряв все властные полномочия, Лысенко буквально до последних дней жизни призывал власть защитить его от тех, кто его якобы травил и преследовал. В письме в Совет Министров и ЦК КПСС, написанном им в начале 1970-х гг., есть замечательный пассаж: «Я уверен, что вся эта злобная клевета организована какими-то злобными недругами не только нашей прогрессивной биологической науки, но и недругами всего советского строя. А многие другие, будучи советскими людьми, на меня клеветают по своей душевной простоте, не ведая, чьё задание и для какой цели они выполняют» [Цит. по: Овчинников 2010: 181–182]. Перефразируя крылатое выражение наших дней, можно сказать, что доносчики, как и чекисты, бывшими не бывают. Удивительно другое: лица, взявшиеся в последние десятилетия защищать «великого русского учёного» от «неправедного» суда современников и потомков, не видят ничего предосудительного в таких способах «научной аргументации» и пропагандируют подобные письма из Архива РАН [АРАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 128] как образец высоких моральных качеств, в том числе патриотизма, гражданственности и научной честности³.

Подобные приёмы доказательства Лысенко и его соратников своих научных взглядов привели к физическому уничтожению, по крайней мере, десятков отечественных учёных мирового уровня и лишили возможности тысячи других плодотворно работать в различных областях биологии и сельскохозяйственной науки. В итоге имя Лысенко стало нарицательным, а отстаиваемые им идеи и концепции, как и методы их утверждения, в середине 1940-х гг. на Западе были названы лысенкоизмом. Этот термин с тех пор стал широко использоваться для характеристики псевдонауки, насильственно внедряемой сверху не только в СССР, но и во многих странах социалистического лагеря вплоть до начала 1960-х гг. Однако в историко-научных трудах, опубликованных в СССР, этот термин не использовался до начала перестройки, а впоследствии ему нередко предпочитали термины «лысенковщина» или «облысение советской биологии»⁴.

Интенсивные исследования лысенкоизма как международного явления, охватившего и некоторые страны западного блока, прежде всего Францию, Италию и Японию, заставили переосмыслить проблему с учётом послевоенного противостояния Запада и Востока в 1940-х — начале 1960-х гг. [Krementsov 2000: 179–202; Höxtermann 2000: 273–300; Schneider 2003; Фудзиока Цуеши 2010; deJong-Lambert 2012; Fujioka Tsuyoshi 2013: 7–17].

Это направление стало доминирующим за последние 15 лет за рубежом, а события в русскоязычном пространстве отошли на второй план и редко исследуются с использованием нового архивного материала. Обычно их рассматривают в духе перестройки, деля противодействующие стороны на однозначно правых и виновных, честных и нечестных, учёных и неучёных и т. д., как это было сделано в романе книги В. Дудинцева «Белые одежды» или в прекрасной книге С.Э. Шноля «Герои и злодеи российской науки» (1997). Правда, в дальней-

³ В упомянутой книге Н.В. Овчинникова данный документ в числе прочих призван морально возвысить Лысенко над его противниками. Раздел начинается с выразительной цитаты Т.Д. Лысенко: «Я уверен, что в истории биологических наук во все времена ни один учёный не подвергался такой травле, охаиванию и шельмованию» [Овчинников 2010: 163]. Страшно подумать — неужели Трофим Денисович, который даже во времена опалы сохранил не только свободу, но и звание академика и руководство лабораторией в Горках Ленинских, считал свою судьбу более трагичной, чем у погибших в тюрьмах или расстрелянных Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левицкого, Л.И. Говорова. К.А. Фляксбергера и многих других, чем у оболганных и лишенных права заниматься своими исследованиями Л.А. Орбели, Н.К. Кольцова, С.С. Четверикова и так далее. К травле большинства из них Т.Д. Лысенко был прямо или косвенно причастен.

⁴ Оба термина были введены задолго до перестройки. Термин «лысенковщина» не раз публично использовал Д.В. Лебедев в конце 1970 — в середине 1980-х гг. Слова про «облысение» ходили в научной среде начиная с 1930-х годов, но до времён перестройки также не попадали в печать. Например, уволенный в 1948 г. с заведования кафедрой зоологии в Казанском университете легендарный зоолог Н.А. Ливанов в те годы поддерживал коллег словами «Ничего, товарищи, облысение биологии не может продолжаться долго!» [Ермолаев 2004: 87].

шем автор внёс существенное уточнение в её название, вставив слово конформисты [Шноль 2001]⁵.

Свято место, как известно, пусто не бывает. В оставленную историками нишу хлынуло огромное количество авторов, жаждущих переписать трагические страницы отечественной биологии путём очередного переключения оценок с плюса на минус и перекомбинирования одних и тех же цитат, сюжетов и т. д. Мотивы действий у них были разные. Одни, по образованию бесконечно далёкие от биологии, увидели возможность ещё раз заявить о «великой сталинской науке», якобы загубленной современными реформаторами. Другие, включая и некоторых генетиков, видимо, «пиарились», демонстрируя независимость от общепринятых оценок и оригинальность мышления. Третьи старались оправдать какие-то «научные грешки молодости», не только собственные, но и своих учителей, родителей, родителей друзей и т. д. Ведь очень многие современные селекционеры и генетики начинали научную карьеру в учреждениях и лабораториях, работавших ещё по программам мичуринской биологии. Есть, вероятно, и такие, кто в преддверии возможных перемен в научном сообществе спешит попасть в струю зарождающегося мейнстрима, якобы подтверждающего какие-то идеи Лысенко. О мотивах и целях авторов порой можно судить по названиям их книг: Ю. Мухин. «Генетика — продажная девка или кормушка» (2006); Ю. Бобылев. «Генетическая бомба. Тайный сценарий биотерроризма» (2006), С. Миронов. «Дело генетиков» (2008), «Лженаука генетика. Чума XX века» (2010) и «Почему Сталин защищал Лысенко» (2011) и др. Как правило, их авторы достаточно далеки от сути научных проблем, затронутых «делом Лысенко и Вавилова», и разбор их аргументов в научных изданиях изначально не имел смысла.

Видимо не случайно и совпадение по времени антивавилонской кампании с попытками отобрать историческое здание на Исаакиевской площади ВИР, инициированное правительством М.М. Касьянова. Этим планам не суждено было сбыться только благодаря протестам мирового научного сообщества, понимающего уникальность и научную значимость собранной Вавиловым коллекции. Более 150 ведущих университетов мира выступили в защиту ВИР. Тем не менее, не удалось отстоять значительную часть опытных станций и экспериментальных хозяйств, необходимых для нормальной работы с одной из наиболее крупных в мире коллекций генов растений [Драгавцев 2011: 6]. В настоящее время осталось только 9 из 16, а во времена Вавилова их было 80. Активно действовала Федеральная служба по имуществу Министерства экономического развития, стараясь отобрать у ВИРа сотни гектаров опытных полей под Санкт-Петербургом, которые предполагалось распродать по бросовой цене под коттеджное строительство [Обухова 2010]. В Москве эти попытки оказались более успешными, и около 500 га РАСХН в Немчиновке ушли под застройку 20-этажными зданиями.

Не исключено, что под влиянием этих обстоятельств появились книги, статьи и воспоминания различных докторов биологических, медицинских и сельскохозяйственных наук, которые, тем не менее, практически ничем не отличались от вышеназванных сочинений Мухина, Бобылева, Миронова и т. д. Удивляла поразительная идентичность их текстов, оглавлен-

---

⁵ Тешу себя мыслью, что это произошло после нашего совместного выступления в Гумбольдтовском университете в Берлине, куда мы с ним были приглашены выступить с докладами на круглом столе. Мой доклад «И.И. Презент как герой своего времени», в котором часть вины за происшедшее я возложил на молодых генетиков-марксистов, был вторым после яркого, как всегда, выступления Симона Эльевича. Немецкая аудитория, уловив разницу наших подходов, ожидала острой дискуссии. Но Шноль сказал только, что он не профессиональный историк науки и судит о прошлом исключительно с точки зрения своих впечатлений и воспоминаний. После этого мы много с ним разговаривали, благо наши номера были рядом в гостинице. Для меня это общение было важным уроком в плане профессионального общения и уважительного отношения к человеку с другими взглядами. Но скорее всего Симон Эльевич и сам к тому времени уже почувствовал, что схема «герой или злодей» не описывает всего многообразия форм поведения советских биологов, как, впрочем, и предложенная им позже формула «герои, злодеи, конформисты».

ний, используемых источников, цитат, методов аргументации и т. д. К их числу относится серия небольших книг В.И. Пыженкова с обвинениями Н.И. Вавилова в научной бесплодности и ошибочности или, по крайней мере, вторичности всех его идей и концепций [Пыженков 2006, 2007, 2008], которые разбираются в статье В.И. Глазко. Эти книги, написанные доктором биологических наук и изданные под грифом Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ), вернули, казалось бы, решённые проблемы в пространство науки, и требовали реакции научного сообщества, прежде всего тех, кто считал Н.И. Вавилова выдающимся учёным.

Вскоре «Литературная газета», почитаемая в образованных кругах СССР ещё со времён оттепели за свободомыслие и либерализм, напечатала статью доктора медицинских наук М.И. Анохина [Анохин 2009: 12]. Он повторил всё те же обвинения в адрес Н.И. Вавилова и аргументы в защиту Т.Д. Лысенко, идеи которого якобы подтверждены развитием молекулярной биологии и прежде всего открытием Б. МакКлинток мобильных генетических элементов и клонированием овечки Долли. Многим членам академического сообщества стало очевидно, что отмалчиваться далее неприлично. Одним из первых против подобного пересмотра «дела Лысенко и Вавилова» выступил доктор биологических наук Э.В. Трусников, который обвинил В.И. Пыженкова в цинизме и неверной оценке реального хода событий и научного наследия и Вавилова, и Лысенко [Трусников 2007: 188–199].

Более 600 откликов, от восторженных до крайне негативных, вызвала и публикация М.И. Анохина. Отреагировала «Новая газета», поместив критические отзывы ведущих российских академиков-генетиков В.А. Гвоздева, Е.Д. Свердлова и Г.И. Абелева [Смирнов 2009: 22]. Публикацию подобной статьи в некогда уважаемой газете они связывали с общим снижением уровня культуры и образования в России, с падением интереса к фундаментальным исследованиям, с доминированием ложно понятых ценностей рыночных отношений и т. д. Но редколлегия «Литературной газеты» практически проигнорировала поток протестов против статьи М. Анохина, включая и решение от 16 апреля 2009 г. Учёного совета Всероссийского института растениеводства, созданного Н.И. Вавиловым⁶. Между тем открытое письмо в адрес редакции газеты, подписанное директором ВИР, доктором биологических наук, профессором Н.И. Дзюбенко, завершалось пожеланием, что «впредь „ЛГ“ будет более внимательно и избирательно публиковать материалы, касающиеся науки и её истории, дабы не становиться трибуной для разного рода ретроградов и не порочить память учёных, обеспечивших научные приоритеты и славу нашей страны».

Вместо этого было напечатано большое письмо П.Ф. Кононкова — редактора одной из книжек Пыженкова. Кононков, ссылаясь на решение Учёного совета ВИР от 1939 г., инициированное Лысенко и его сторонниками в разгар травли Вавилова, заверил, что Пыженков правильно оценил исследования Вавилова как теоретически несостоятельные и практически бесплодные. Газета опубликовала также ответ самого М. Анохина, который, не отрицая незнание им генетики, настаивал, что именно генетики поддержали либералов и рыночную экономику, принеся огромный вред стране.

Недавно Анохин напечатал новую статью» всё в той же «Литературной газете» [Анохин 2015: 10], поставив под сомнения признанные во всём мире приоритет Н.И. Вавилова в зелёной революции и значение собранной им коллекции семян, что вызвало возмущение научного сообщества, в том числе и за рубежом, поскольку «ЛГ» и на этот раз не захотела предоставить слово оппонентам Анохина. Три из этих откликов печатаются ниже, и я уверен, что любой грамотный читатель сможет оценить аргументацию авторов — членов РАСХН В.А. Драгавцева и В.И. Глазко, и американского специалиста по советскому сельскому хозяйству

⁶ Открытое письмо Учёного Совета ВИР (протокол заседания № 11 от 16 апреля 2009 года). — Доступно: <http://www.vir.nw.ru/files/pdf/books/OPismo.pdf>. — Проверено: 16 февраля. 2015 г.

М.М. Таугера. Следует добавить, что Драгавцев в течение 16 лет возглавлял ВИР, ровно столько и сам Вавилов. Благодаря принципиальности Драгавцева, не побоявшегося оспорить в суде постановление, подписанное М.М. Касьяновым, ВИР сохранил историческое здание на Исаакиевской площади. Видимо, из-за этой же принципиальности с Драгавцевым — с известным во всём мире генетиком-растениеводом, членом ряда престижных научных обществ, включая Линеевское Королевское общество, где впервые были доложены теории Ч. Дарвина и А. Уоллеса в 1858 г. — не был продлён контракт, и он ушёл из ВИРа, для сохранения которого столь много сделал в лихие 1990-е гг.

Публикациями Пыженкова и Анохина даже не научный, а историко-научный спор был переведён в политико-идеологическую плоскость, приобретая оттенок доносительства. Безуспешные попытки оппонентов реабилитации Лысенко донести свои взгляды до общества через средства массовой информации свидетельствовали о том, что некие влиятельные силы стоят за спиной авторов антивавилонских и пролысенковистских книг. Возможно, поэтому и некоторые, казалось бы, профессиональные генетики, правда, изучавшие ещё мичуринскую генетику и в силу импрессинга особо восприимчивые к аргументам в пользу лысенкоизма, пытаются уравнивать научную ценность достижений Н.И. Вавилова и Т.Д. Лысенко и даже представить последнего как победителя в исторической ретроспективе [см., например: Животовский 2014]. Но и эти публикации не несли в себе элементов самостоятельной научной работы, повторяя в несколько ином ракурсе прежние аргументы в пользу реабилитации Лысенко как великого и несправедливо ошельмованного. На самом же деле, как показано в рецензии А.И. Ермолаева, единственно верное в книге Животовского — это её название — «Неизвестный Лысенко». Такого Лысенко никто не знал и не мог знать, так как его никогда не было и не могло быть. Лысенко отрицал существование материальных носителей наследственности и поэтому не мог предвидеть ни мобильные диспергированные гены, ни эпигенетику, как уверяют Анохин и Животовский.

Складывающаяся ситуация вызывает тревогу у многих членов научного сообщества, которых клеймят как «национал-предателей», жуликов и невежд. Именно так всё научное сообщество СССР, включая практически всех отечественных Нобелевских лауреатов, охарактеризовано в книге П.Ф. Кононкова [Кононков 2014], которая вызвала просто шквал протестующих откликов в Интернете. Не смог мимо подобного сочинения пройти и я. Мои соображения об этой книге и о ситуации с историей генетики в общественном сознании публикуется вместе с другими откликами на некоторые сочинения лысенколюбов и вавиловоненавистников.

Из публикуемых материалов видно, что значение реакции на рецидивы лысенкоизма выходят за рамки историко-научной проблематики и даже биологии. Они затрагивают коренные вопросы этоса научного сообщества и его взаимоотношений с властями. Многие, если не подавляющее большинство учёных России, конечно, далеки от сути уходящих в далёкое прошлое споров о возможности наследования приобретённых признаков и о якобы состоявшемся подтверждении взглядов Т.Д. Лысенко молекулярной биологией, биологией развития, эпигенетикой и т. д. Но все они не желают возвращения лысенковщины как способа организации науки, при котором научные вопросы решаются с помощью властных структур, а донос становится важнейшим способом доказательства научной концепции и её социальной значимости. В то же время кто-то во власти, видимо, в этом видит цель реформы российской науки: научное сообщество должно будет действовать по спускаемым сверху правилам и в очерченных властями приоритетных направлениях; безоговорочно выполнять распоряжения чиновников и без обсуждения признавать назначенных начальством «выдающихся учёных». Не случайно, в 2013 г. оппоненты-реформ РАН происходящее часто называли «лысенковщиной» и «лысенкоизмом», а некоторых инициаторов реформ сравнивали с Трофим Денисовичем.

Конечно, было бы неверно считать Лысенко изобретателем подобного способа доказательств и дискуссий. Увы, и здесь он не первый, да и не последний. Ещё в Афинах Сократ был приговорён к смертной казни по доносам своих оппонентов-софистов. Да и наука Нового времени знает немало примеров подобного рода. Начиная с Французской революции и до культурной революции в КНР многим выдающимся учёным не только не дали продолжить свои исследования, но и укоротили онтогенез по доносам их коллег. Во времена разгула маккартизма в либерально-демократических США это хотя и не имело столь трагических последствий, но привело к гонениям и увольнению сотен учёных, признанных подозрительными и враждебными. Но особо массовый характер подобная практика получила во времена Третьего Рейха и СССР. При этом в ВИРе, созданном Н.И. Вавиловым, было репрессировано биологов в десятки раз больше, чем во всей Германии.

В СССР власть оказалась очень чувствительной к аргументам об идеологической составляющей биологических концепций и к доносам учёных друг на друга. В этих условиях именно Т.Д. Лысенко сумел превратить их в главный способ доказательства своей правоты, и, умело спекулируя на разжигаемой властями классовой, национальной и религиозной ненависти, предопределил на несколько десятилетий судьбу биологии в великой научной стране⁷. И в этом отношении его опыт с историко-научной точки зрения является уникальным и заслуживающим всестороннего и объективного исследования. На всех этапах своей научной карьеры Лысенко проявил себя как трезвый и очень расчётливый политик, прекрасный оратор и непревзойдённый мастер в пробивании своих научных идей и интересов. Конечно, все эти качества можно назвать по-другому, клеймя лидера некогда могучей «мичуринской биологии» умелым интриганом и демагогом.

Вопрос о том, как нам «лысенковское наследие» преодолевать, заслуживает особого внимания. Я убеждён, что лишь повышение личной моральной ответственности каждого члена научного сообщества за публикацию своих статей, даже вне сферы своих профессиональных интересов, где его работы не рецензируются, но его, тем не менее, воспринимают как эксперта соответствующей отрасли знания, может существенно снизить риск возвращения лысенковщины в российскую науку. Нерукопожатие и моральный остракизм всегда были весомыми наказаниями в дореволюционной России, в чем убеждался я не раз, работая с фондами выдающихся учёных и выясняя, неожиданно для себя, что многие стыдились своих националистических и антисемитских воззрений, осуждавшихся в то время научным сообществом, и скрывали их даже от своих ближайших коллег и учеников⁸. По свидетельству многих, даже Т.Д. Лысенко периодически кричал, что он не убивал Н.И. Вавилова. Да и Н.П. Дубинину пришлось пережить немало неприятных моментов в общении с зарубежными и со-

⁷ Осознавая вред, причинённый Лысенко мировой науке, международный клуб де l'Horloge (Часы) в Париже начиная с 1990 г. ежегодно в Университетской центре в Сорбонне символично вручает антипремию «Приз Лысенко» (бюст из чёрного мрамора) за самую потрясающую дезинформацию с использованием идеологических аргументов в области гуманитарных, общественных и естественных наук (Prix Lyssenko 2014). В жюри входят авторитетные представители разных отраслей знания. Среди призёров — биологи, демографы, экономисты, лингвисты, географы, этнографы, социологи, психиатры, юристы, историки, политологи, педагоги и др. Учредители премии уверены, что лысенковские методы опасны в различных отраслях знания, внося не только в них, но и в общество дезорганизацию и хаос. Присуждая «Приз Лысенко» тому или иному «лауреату» жюри реализует девиз А. Линькольна: «Вы не можете лгать всем всё время».

⁸ Я понимаю, что подобное предложение многие встретят как маниловщину. Но донос в России всегда считался страшным грехом, в отличие от многих западных странах, где любят по каждому поводу звонить в полицию с жалобами на шумных соседей, неправильную парковку, превышение скорости и т. д. В детстве «сексотам» устраивали «тёмную» и с ними никто не дружил. В царской России в народе было принято: «Доносчику первый кнут», а за зловещее «Слово и дело» доносчик мог быть подвергнут допросу с пристрастием и в случае неподтверждения своего обвинения понести суровое наказание. Вот почему-то этот опыт прошлого по восприятию доносов и, особенно несправедных, ни нынешняя власть, ни общество перенимать никак не хотят.

ветскими коллегами после скандальной книги «Вечное движение» (1973), вызвавшей шквал отрицательных, весьма остроумных, но неопубликованных рецензий. Непросто приходится и детям людей, подвергшихся остракизму. Некоторые из них тратят много сил и времени на опровержение сложившихся в обществе образов своих отцов. Среди них сыновья Т.Д. Лысенко и его многолетнего соратника И.Е. Глущенко [Глущенко 2007; Мухин 2011]⁹.

Что касается лысенкоизма как системы взглядов, включая теорию стадийного развития, призванную объяснить природу организмов и пути их трансформации, то эти концепции давно стали достоянием истории, и в этом нет ничего зазорного. Такова судьба многих идей и концепций, не выдержавших проверку времени. И бессмысленно их реанимировать. И нет ничего унижительного для Н.И. Вавилова, что он на протяжении нескольких лет искренне выполнял указание Я.А. Яковлева, поручившего ему «оказать всяческое содействие работам Лысенко» и «взять на себя заботу» о них, как свидетельствует многократно цитируемое письмо к Лысенко 29 марта 1932 г. [Вавилов... 1987: 165]. Будучи руководителем ВАСХНИЛ и ВИР, Вавилов не мог поступить иначе [Левина 1992: 121–124]. Но как только он увидел, что действия Лысенко угрожают самой науке, то выступил против насильственно насаждаемых псевдонаучных идей — и сгорел на костре сталинской инквизиции. И современное сообщество учёных, как я надеюсь, не допустит глумления над его подвижниками-учеными, а анохиным, кононковым и пыженковым не позволит распинать вновь Н.И. Вавилова — подлинного мученика науки XX в.

Анохин М. 2009. Академик Лысенко и бедная овечка Долли. — *Литературная газета*. — 2009. — № 11 (6215). — 18–24 марта.

Анохин М. 2015. Накормившие ложью. — *Литературная газета*. — № 5 (6495). — 4 февраля.

Вавилов... 1987. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. — *Научное наследство*. — Т. 10. — М.: Наука.

Глущенко А.И. 2007. *Сійся, родися, жито-пшениця*. — Доступно: <http://kobza.com.ua/biblioteka-ukrainskoi-literatury/2093-sijsja-rodysja-zhyto-pshenytsja.html>. — Проверено: 20.02.2015.

Драгавцев В. 2011. Николай Иванович Вавилов — один из 100 великих людей планеты Земля. — *Гатчинская правда*. — 25 октября.

Есаков В.Д. 2008. *Николай Иванович Вавилов: Страницы биографии*. — М.: Наука.

Ермолаев А.И. 2004. *История генетических исследований в Казанском университете*. — Казань: Изд-во Казан. унив.

Животовский Л.Д. 2014. *Неизвестный Т.Д. Лысенко*. — М.: Т-во научных изданий КМК.

Захаров И.К., Шумный В.К., Жимулёв И.Ф., Дубинина Л.Г. 2005. К 50-летию «письма трехсот». — *Вестник ВОГиС*. — Т. 9. — № 1.

Колчинский Э.И. 2007. *Биология Германии и России в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)*. — СПб.: Нестор-история.

Колчинский Э.И. 2012. Начало скорбного пути (к 125-летию великого учёного). — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4.

⁹ Полная аудиозапись интервью А. Мёллера с Ю.Т. Лысенко. 2001. — Доступно: http://sovnrarkom.ru/TEMP1/Lysenko_YuT_2001-07-07_2.mp3. — Проверено: 23.02.2015.

- Кононков П.Ф. 2014. *Два мира — два идеологии. О положении в биологических науках в России в советский и постсоветский периоды.* — М.: Луч.
- Кременцов Н.Л. 2003. Советская наука и Холодная война. — *Наука и кризисы.* — СПб: Дмитрий Буланин.
- Левина Е.С. 1995. *Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский. Биология в СССР: история и историография.* — М.: АЙРО-XX.
- Левина Е.С. 1992. Беда или вина академика Н.И. Вавилова. — *Природа.* — № 8.
- Мухин Ю. 2011. *Интервью с сыном академика Лысенко.* — Доступно: http://gpr.ru/video/intervju_s_synom_akademika_lysenko. — Проверено: 23 февраля 2015.
- Обухова К. 2010. Институт растениеводства не собирается уезжать из Павловска. — *Фонтанка.* — 4 апреля. — Доступно: <http://www.fontanka.ru/2010/04/15/116/>. — Проверено: 23 февраля 2015 г.
- Овчинников Н. 2010. *Академик Трофим Денисович Лысенко: Мичуринская биология.* — М.: Луч.
- Пыженков В.И. 2006. *Николай Иванович Вавилов и его «закон гомологических рядов наследственной изменчивости».* — СПб.: СПбГАУ.
- Пыженков В.И. 2007. *Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники.* — СПб.: СПбГАУ.
- Пыженков В.И. 2008. *Н.И. Вавилов, его «центры происхождения культурных растений» и интродукция.* — СПб.: СПбГАУ.
- Резник С. 1983. *Дорога на эшафот.* — Париж; Нью-Йорк: Третья волна.
- Смирнов К. 2009. Лысенко в овечьей шкуре. — *Новая газета.* — № 33. — 1 апреля.
- Сойфер В.Н. 1993. *Власть и наука. История разгрома генетики в СССР.* — М.: Лазурь.
- Сойфер В.Н. 2012. *Сталин и мошенники в науке.* — М.: Добросвет, КДУ.
- Трускинов Э.В. 2007. Н.И. Вавилов. Драма жизни и смерти. — *Звезда.* — № 10.
- Фудзиока Цуеши. 2010. *Зачем лысенковщина появилась? Плод и срыв диалектизации биологии.* — Токио: Gakujutsushuppankai. — (на япон. яз.).
- Шноль С.Э. 2001. *Герои, злодеи и конформисты российской науки.* — М.: Либроком.
- deJong-Lambert W. 2012. *The Cold War Politics of Genetic Research: An Introduction to the Lysenko Affair.* — New York: Springer.
- Fujioka Tsuyoshi. 2013. The Japanese Lysenkoism and the Historical Backgrounds. — *Историко-биологические исследования.* — Т. 5. — № 1.
- Graham L. 1972. *Science and Philosophy in the Soviet Union.* — New York: Knopf.
- Höxtermann E. 2000. «Klassenbiologen» und Formalgenetiker». Zur Rezeption Lyssenos unter den Biologen in der DDR. — *Acta Historica Leopoldina.* — Bd. 36.
- Joravsky D. 1970. *The Affair of T.D. Lysenko.* — Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Kolchinsky E. 2014. Nikolai Vavilov in the Years of Stalin's 'Revolution from Above' (1929–1932). — *Centaurus.* — Vol. 56. — № 4. — P. 330–358.
- Krementsov N.L. 1997. *Stalinist Science.* — Princeton: Princeton Univ. Press.
- Krementsov N.L. 2000. Lysenkoism in Europe: Export-Import of the Soviet Model. — *Academia in Upheaval. Origins, Transfer and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and the East Central Europe.* Eds. M. David-Fox, G. Péteri. — London: Bergin & Garvey, Westport, Conn.
- Medvedev Th. 1969. *The Rise and Fall of T.D. Lysenko.* — New York: Columbia Univ. Press.
- Pringle P. 2008. *The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of Great Scientists of the twentieth Century.* — New York et al.: Simon and Schuster.
- Prix Lyssenko. 2014. — *Club de l'Horloge.* — Доступно: <http://www.clubdelhorloge.fr/index.php?option>. — Проверено: 5 марта 2015.

Roll-Hansen N. 2005. *The Lysenko Effect. The Politics of Science.* — Amherst; New York: Humanity Books.

Schneider L. 2003. *Biology and Revolution in Twentieth Century China.* — Landham, MD: Rowman and Littlefield.